

что Бергъ «радь и содѣйствуетъ» смерти жены; что Наташа Ростова отдается Анатолю Курагину и что ея отношенія съ «Петромъ» въ 1812 году неясно опредѣлены фразой: «Онъ раненъ. Она бѣгаетъ отъ него»..

Загробный голосъ Толстого звучить мрачно и невольно останавливаешься въ изумленіи передъ контрастомъ того, что было создано съ тѣмъ, что первоначально хотѣлъ создать Левъ Николаевичъ.

Я не берусь отвѣтить на вопросъ, почему Толстой, какъ Ва-

сенія своего достоянія и карьеры». Приходится заключить, что и настроенія Отечественной войны Толстой первоначально предполагалъ показать ужь во всякомъ случаѣ не совсѣмъ въ томъ свѣтѣ, въ какомъ они представлены въ «Войнѣ и Мирѣ».

лаамъ, благословилъ то, что хотѣлъ проклясть. Впрочемъ, быть можетъ, выраженія эти слишкомъ сильны. Конечно, Наташа Ростова, сцена въ Мытищахъ не соотвѣтствуютъ формуламъ «спросить мужа, а то двухъ», «онъ раненъ, она бѣгаетъ отъ него». Но иногда конспектъ лишь называетъ вещи настоящими именами или грубо-обнаженно обозначаетъ то, что впоследствии было такъ чудесно закрашено волшебникомъ «Войны и Мира». Вѣроятно многое выяснитъ дневникъ Льва Николаевича, если будетъ полностью опубликованъ. Но и конспектъ, напечатанный проф. Грузинскимъ, — документъ огромной важности. Въ немъ съ необычайной силой сказался тотъ глубокой, злой мизантропъ, который всю жизнь сидѣлъ въ Л. Н. Толстомъ и составлялъ — въ художественномъ отношеніи — далеко не худшую его часть.

М. Алдановъ.

Шпенглеръ и Данилевскій

(Два типа культурной морфологіи).

I

Историческая (культурная) морфологія Шпенглера, возникшая изъ духа Гегелевской интуитивной натурфилософіи, уже свыше пятидесяти лѣтъ тому назадъ была предвосхищена почти во всѣхъ своихъ основныхъ воззрѣніяхъ русскимъ естество-испытателемъ-философомъ и теоретикомъ славянофильства Данилевскимъ*).

*) Основной трудъ Данилевскаго: «Россія и Европа» впер-

въ своей теоріи культурно-историческихъ типовъ Данилевскій представилъ аналогичную культурную морфологію, гдѣ, какъ и у Шпенглера, теорія множественности культурныхъ типовъ, вполне автономныхъ и ду-

вые былъ напечатанъ въ журналѣ «Заря» въ 1869 году. Въ 1871 г. этотъ же трудъ появился отдѣльной книгой. Въ нашемъ этюдѣ мы цитируемъ по 5-му изданію «Россія и Европа» (изд. Страхова), Петербургъ 1895 г.

ховно непроницаемых друг для друга, выдвигается на место отрицаемой ими обоими старой теорией единого человечества, как субъекта всемирно-исторического процесса.

Но культурная морфология Данилевского, в отличие от Шпенглеровской, базирующейся на биологических воззрениях Гете, поконится, в свою очередь, на биологических воззрениях Кювье.

Как известно, Кювье ввел впервые в зоологию теорию «типов организации», «несоизмеримых, своеобразных планов» биологического развития. Данилевский перенес лишь эту биологическую теорию Кювье в область культурно-философскую: его «культурно-исторические типы» строятся по образцу «типов организации» Кювье и также качественно различны, «несоизмеримы» друг с другом, как и первые. Биологический плюрализм Кювье получил своего аналога в лиц культурного плюрализма Данилевского.

Таким образом, мы имеем как бы два варианта культурной морфологии: современный — в учении Шпенглера о множественности культурных организмов и «старый» — в учении Данилевского о культурно-исторических типах.

Это неожиданное на первый взгляд сходство между культурно-философскими учениями Шпенглера и его русского предшественника Данилевского обусловлено, в последнем счете, сдвигом их духовной родословной: Шпенглер через Гете, а Данилевский через Кювье, оба духовно восходят к так называемой идеалистической

морфологии, господствовавшей в начале 19-го века. Как известно, Кювье, Жоффруа и Декандоль являются основоположниками этой идеалистической морфологии, точнее сравнительной анатомии. Название «идеалистической» она получила лишь впоследствии, в целях ограничения ее от позднейшей «эволюционной анатомии» Геккеля.

Небезинтересно отметить здесь, что эта сравнительная анатомия, возникшая первоначально на французской почве, именно от Гете (своеобразно примыкавшего к этому биологическому направлению и, как известно, в спор с Жюльеном и Жоффруа-Сент-Илером, стоявшего на стороне этого последнего), — именно от Гете это направление и получило название «морфологического».

В начале 19-го века представители тогдашнего биологического знания полагали, что жизнь постигается глубже всего, если изучить анатомическое строение различных видов и родов органического мира. Именно Кювье, Жоффруа и Декандоль придерживались этой точки зрения и на основе ее возникла вышеупомянутая идеалистическая морфология. Это была своего рода «кристаллография живых тел». Подобно тому, как в кристаллографии морфические свойства кристалла сводят к определенной схеме, к мысленным осям и к симметричным поверхностям, так и эта идеалистическая морфология ставила себя задачей найти схему для каждого вида и рода органического мира. И так как схему находят путем сравнения, то эта наука

примѣняла сравнительную методу, т. е. она была сравнительной анатоміей. Терминъ «планъ» былъ тогда самымъ «моднымъ». Кювье полагалъ, что нашелъ въ природѣ «четыре плана», Жоффруа защищалъ единство плана природы и, наконецъ, Гете искалъ «единого плана» растений, идеальное «перворастеніе» (Urpflanze).

Это морфологическое направленіе въ биологіи въ отличие отъ позднѣе лишь созрѣвшаго динамическаго придавало «формѣ» абсолютное значеніе, т. е. въ началѣ 19-го вѣка вѣрили, что форма есть нѣчто «неизмѣнно данное» и, какъ таковая, не сводима на силы, какъ болѣе простые элементы. Вотъ почему и расцвѣла тогда сравнительная метода*).

Очерченная здѣсь лишь бѣгло идеалистическая морфологія и легла въ основу культурно-философскихъ ученій обоихъ изслѣдователей, пытавшихся, каждый по своему, примѣнить морфологическій методъ и къ изученію области исторической, чѣмъ и объясняется неожиданное сходство ихъ основныхъ воззрѣній.

Справедливость этого положенія мы и попытаемся показать путемъ детальнаго сравненія предложенныхъ обоими авторами культурныхъ (историческихъ) морфологій.

II. Культурная морфологія Шпенглера.

Философія исторіи Шпенглера, точнѣе, его «историческая или

*) Radl: Die Geschichte der biologischen Theorien. Band 1, ss. 20-24.

культурная морфологія», является интересной попыткой построить связную картину міра историческаго путемъ разысканія самостоятельнаго объединяющаго принципа и для этой области знанія. Если естествознаніе давно уже построило ясную и вполне обозримую картину міра физическаго, то знанію историческому еще не удалось дать равноцѣнную ему единую картину міра историческаго.

Неудача историческаго знанія въ дѣлѣ разысканія объединяющаго принципа объясняется, по Шпенглеру, главнымъ образомъ, тѣмъ, что попытки примѣненія къ историческимъ наукамъ верховнаго гносеологическаго принципа естествознанія, принципа причинности, наткнулись на неустрашимое препятствіе, заключающееся въ однократности всѣхъ историческихъ процессовъ.

Всѣ процессы историческіе, согласно Шпенглеру, суть процессы «жизненные», или, точнѣе, они представляютъ собой лишь частный случай процессовъ жизни органической. Сходно съ Бергсономъ (подъ фактическимъ вліяніемъ котораго онъ находится), онъ толкуетъ жизнь, какъ непрестанное становленіе, какъ вѣчную текучесть, гдѣ повтореніе одинаковыхъ фазъ развитія совершенно исключено. Если всѣ физическіе процессы, при извѣстныхъ условіяхъ обратимы, то наоборотъ процессамъ органическимъ и, слѣдовательно, процессамъ историческимъ (какъ ихъ частному случаю) присущъ характеръ необратимости, временной направленности. Отсюда ясно слѣдуетъ, что принципъ причинности, вполне пригодный для

связи явлений природы, где одинаковыя причинныя условия постоянно возвращаются и влекутъ за собой одинаковыя слѣдствія, оказывается совершенно непримѣнимымъ для связи явлений историческихъ.

И далѣе, Шпенглеръ отрицаетъ правомѣрность примѣненія къ процессамъ историческимъ не только метода каузальнаго, но и вообще всякаго отвлеченнаго, анализирующаго способа познания. Жизнь, понимаемая, какъ вѣчная текучесть, какъ непрестанное становленіе, отмѣченная печатью однократности и необратимости, не постигается во всей полнотѣ своего индивидуальнаго своеобразія посредствомъ отвлеченнаго, анализирующаго познания. Она раскрывается полностью, по убѣжденію Шпенглера, примыкающаго здѣсь къ Бергсону, лишь познанію интуитивному. Поскольку же Шпенглеръ разсматриваетъ процессы историческіе, какъ частный случай процессовъ жизни органической, постольку методъ интуитивный является для него не только методомъ биологическаго, но и методомъ знанія историческаго.

Такимъ образомъ, отвергая историческій натурализмъ и своеобразно примѣняя интуитивный методъ къ историческому знанію, Шпенглеръ пытается проникнуть въ духовную индивидуальность различныхъ культуръ.

Всѣ объективныя образованія отдѣльныхъ историческихъ культуръ являются, въ последнемъ счетѣ, выраженіями опредѣленной духовности, лежащей въ ихъ основѣ. Поэтому каждый историкъ, руководящійся въ своихъ изслѣдованіяхъ интуитивной ме-

тодой, долженъ подражать примамъ талантливаго и рѣшительнаго «знатока людей», который, всматриваясь въ индивидуальныя черты даннаго лица, разгадываетъ его характеръ.

Для истиннаго историка всѣ явленія данной культуры сливаются въ одно живое единство, въ единый духовный обликъ («физиономию») этой культуры. Въ этомъ живомъ единствѣ и сказывается своеобразная индивидуальная душа, присущая лишь данной культурѣ. Поэтому Шпенглеръ обозначаетъ интуитивный методъ историческаго изслѣдованія еще и какъ методъ **физиономическій**, ибо отдѣльныя явленія опредѣленной культуры объединяются здѣсь какъ физиономическія черты одной и той же индивидуальной культурной души.

Ту роль, которую играетъ принципъ причинности въ дѣлѣ объединенія процессовъ природы, играетъ здѣсь принципъ отнесенія отдѣльныхъ культурныхъ явленій къ особой индивидуальной культурной душѣ.

Интуитивный или физиономическій методъ изслѣдованія выполняется, въ свою очередь, у Шпенглера методомъ **морфологическимъ**. Этотъ заимствованный у биолога методъ (въ его Геганской разработкѣ) примѣняется Шпенглеромъ къ области историческаго знанія и, въ согласіи съ этимъ, онъ именуется своєю философіею исторіи «сравнительной морфологіею міровой исторіи»*).

*) «Сравнительная морфологія растений и животныхъ», по убѣжденію Шпенглера, «давно уже выработала методъ, при по-

Но въ противоположность прежнимъ изслѣдователямъ (Фробениусъ, Лампрехтъ, Брейзигъ и Мюллеръ - Лиръ), Шпенглеръ вскрываетъ не только общіе (сходные), но и различные моменты, свойственные фазамъ развитія отдѣльныхъ культуръ. Общимъ признакомъ, присущимъ всемъ отдѣльнымъ культурамъ, служитъ у Шпенглера **типичная судьба** всякаго живого существа, именно: рожденіе, созрѣваніе и умираніе. Но эти основные органическіе процессы всегда протекаютъ соответственно харак-

мощи котораго несомнѣнно удасться разыскать типъ, первообразъ культуры... лежащій въ основѣ всякой единичной культуры, какъ ея идеальная форма», ибо и «культуры суть организмы». Но это не каузальный методъ Дарвинизма, а интуитивный — Гете. Идею «первоявленія» («Das Urphänomen»), которую Гете всегда клалъ въ основу своихъ морфологическихъ изслѣдованій, Шпенглеръ пытается примѣнить къ изученію культурныхъ организмовъ. «Культура есть первоявленіе всякой прошедшей и будущей исторіи». «Первоявленіе же есть то, гдѣ идея становленія ясно созерцается духовнымъ зрѣніемъ». Такъ «Гете ясно созерцалъ духовнымъ взоромъ идею первоарастенія въ образѣ всякаго единичнаго, случайно возникшаго или вообще мыслимаго растенія». И подобно тому, какъ Гете въ своихъ естественно-научныхъ изслѣдованіяхъ исходилъ изъ листа, какъ основной формы всѣхъ растительныхъ органовъ, изъ метаморфозы растеній, какъ прообраза всякаго органическаго раз-

тернымъ индивидуальнымъ свойствамъ данной культурной души.

Такимъ образомъ, морфологическое изслѣдованіе въ его примѣненіи къ исторіи выполняетъ у Шпенглера двоякую функцію: съ одной стороны, познается индивидуальная душа отдѣльныхъ культуръ въ ея живомъ единствѣ, а съ другой, — на примѣрѣ индивидуальной судьбы каждой культуры одновременно и уясняется типичная судьба всѣхъ другихъ культуръ.

Эти соображенія обще-методологическаго характера даютъ воз-

вѣтствія, такъ и Шпенглеръ пытается примѣнить этотъ Гетевскій морфологическій методъ къ изученію культурныхъ организмовъ въ цѣляхъ разысканія ихъ внутренней структуры.

Такимъ образомъ, Шпенглеръ гетеанизируетъ историческое познаніе и его культурная (историческая) морфологія есть, въ послѣднемъ счетѣ, не что иное, какъ расширенная Гетевская же биологическая морфологія, ибо то, что Гете называлъ «живой природой», Шпенглеръ называетъ «міровой исторіей въ самомъ широкомъ смыслѣ», «міромъ, понимаемымъ какъ исторія». Если у Гете «міру какъ механизмъ противопостоятъ міръ какъ организмъ, живой природѣ — мертвая, закону — образъ («Gestalt») то и Шпенглеръ » во всемірной исторіи видитъ «картину вѣчнаго образованія, измѣненія и умиранія органическихъ формъ». Вотъ почему онъ и причисляетъ отдѣльныя культуры — «живыя существа высшаго порядка» — къ «живой природѣ» Гете, а не къ «мертвой природѣ» Ньютона.

возможность Шпенглеру набросать связную картину исторического мира.

Шпенглеръ учитъ, что исторія не есть непрерывный и необозримый по своимъ послѣдствіямъ процессъ развитія европейскаго человѣчества. Онъ отбрасываетъ обычное дѣленіе мировой исторіи на древнюю, среднюю и новую, какъ невѣрную и искусственную схему. Мировая исторія не представляетъ собой единого цѣлостнаго процесса, а лишь группу изъ восьми великихъ культуръ (египетская, индуская, китайская, вавилонская, античная, мексиканская, арабская и западная), возникающихъ въ нѣдрахъ своего материнскаго ландшафта, съ которымъ онѣ тѣсно связаны, и представляющихъ своеобразные «организмы высшаго типа». Каждая культура накладываетъ на свой человѣческій матеріалъ свою особую печать и имѣетъ свою неповторимую «судьбу». Вотъ почему, каждая изъ вышеозначенныхъ историческихъ культуръ во всѣхъ областяхъ духовнаго творчества (религіознаго, научнаго, эстетическаго и политическаго) создала свои специфическія формы, свойственныя только ей. Поэтому, съ точки зрѣнія Шпенглера, нельзя уже говорить объ искусствѣ, религии и наукѣ вообще, ибо всякая конкретная культура обязательно имѣетъ свои особыя и неповторимыя формы, въ которыя воплощается лежащая въ основѣ ея «душа». Каждая — создаетъ свой особый «духовный стиль» во всѣхъ областяхъ культурнаго творчества.

Поскольку же культуры тол-

куются Шпенглеромъ, какъ своеобразные «организмы высшаго ранга», постольку къ нимъ применимы и основныя категоріи органическаго міра: рожденіе, созрѣваніе и смерть. И далѣе, подобно всякому живому существу, культурный организмъ имѣетъ свой темпъ развитія и опредѣленную жизненную длительность.

Такимъ образомъ, Шпенглеръ преодолеваетъ обычную концепцію всемірной исторіи, согласно которой эта послѣдняя въ своей совокупности какъ бы имѣетъ своимъ «назначеніемъ» довести человѣчество до современной европейской цивилизаціи, являясь по отношенію къ ней лишь «прологомъ». Эту искусственную, «Птоломеевскую» историческую картину міра, гдѣ вся исторія словно вращается вокругъ европейскаго человѣка; какъ своего центра, замѣняетъ Шпенглеръ естественной, «Коперниканской», гдѣ всемірно-историческій процессъ разсматривается уже чисто объективно, независимо отъ позиціи даннаго наблюдателя и его субъективныхъ отнѣнокъ, съ точки зрѣнія уже цѣлостнаго человѣчества.

Старому опредѣленію понятія исторіи Шпенглеръ противопоставляетъ новое и **соотвѣтственно** этому мѣняется у него и самая задача историческаго изслѣдованія: объектомъ его является лишь описаніе процесса развитія вышеуказанныхъ историческихъ культуръ, точнѣе, разысканіе структурной формы, типичной для каждой единичной культуры и ея развитія. Въ согласіи съ этимъ онъ и замѣняетъ старое, недостаточно выясненное понятіе культуры новымъ, обоснованнымъ біо-психологически, **соотвѣт-**

ствеяно которому единичныя культуры толкуются как «организмы высшаго ранга» и как таковыя имѣютъ возрастные ступени. Если доселѣ говорили о безграничномъ культурномъ развитіи, то согласно этой новой точкѣ зрѣнія, каждая культура, пробѣжавъ всѣ фазы своего развитія и исчерпавъ всѣ свои внутреннія духовно-творческія возможности, должна со временемъ изсякнуть, какъ бы сойти на нѣтъ. Это духовное одряхлѣніе, являющееся неотвратимой судьбой каждой культуры, Шпенглеръ именуетъ цивилизаціей. Причемъ эти два термина обозначаютъ здѣсь строгое и необходимое органическое чередованіе.

Итакъ, мы видимъ, что понятіе культурнаго организма характеризуется у Шпенглера тремя слѣдующими основными признаками: психической центрированностью (всякая культура есть оформленная духовность), зависимостью отъ возрастныхъ ступеней и неизбежнымъ переходомъ въ «цивилизационную стадію» развитія знаменующую собой «конецъ» культуры.

Изъ психической же центрированности всякой единичной культуры съ неизбежностью вытекаеть и морфологическое родство между всѣми ея конкретными проявленіями въ самыхъ различныхъ областяхъ: математика и физика, метафизика и религія, искусство и мораль данной конкретной культуры являются лишь различными выраженіями ея основнаго жизнеощущенія, или, выражаясь иначе, символическими обнаруженіями ея подлинной духовной сущности.

Новое понятіе культуры, какъ

психической индивидуальности, ведетъ здѣсь къ замѣнѣ стараго принципа непрерывности культурнаго развитія челоѣчества новымъ принципомъ духовнаго единства и связи между всѣми явленіями данной единичной культуры.

И наконецъ, на мѣсто прежняго принципа хронологической послѣдовательности ставится понятіе «гомологии», т. е. понятіе структурной равноцѣнности. (Structurelle Gleichwertigkeit).

Мы уже знаемъ, что для Шпенглера объектомъ исторіи является сравненіе различныхъ культуръ другъ съ другомъ, что замѣняется у него обычное историческое описаніе.

Путемъ сравненія надлежитъ вскрыть структурную форму, типичную для каждой единичной культуры и ея развитія. Здѣсь, значитъ, разыскиваются не поверхностныя аналогіи, а точныя строго опредѣленныя гомологии. Какъ извѣстно, въ биологіи аналогія означаетъ равноцѣнность функций, а гомологія — равноцѣнность структуры. Слѣдовательно, задачей культурной (исторической) морфологіи и является разысканіе структурныхъ равноцѣнностей, т. е. гомологій. Историческая же морфологія въ состояніи это выполнить, ибо всѣ культурныя организмы, по Шпенглеру, имѣютъ одинаковую структуру: каждая культурная душа рождается, созрѣваетъ и умираетъ, или говоря иначе, каждый культурный организмъ пробѣгаетъ однѣ и тѣ же стадіи: дѣтство, юность, зрѣлость и старость.

Изъ понятія же гомологии вытекаеть понятіе «одновременности» и «современниковъ». «Од-

новременными» слѣдуетъ считать «два историческихъ факта, которые каждый въ своей культурѣ возникаютъ въ относительно одинаковыхъ условіяхъ и, слѣдовательно, обладаютъ соответствующимъ значеніемъ». «Современниками» же слѣдуетъ считать историческихъ индивидовъ, которые «являются членами одной и той возрастной ступени въ различныхъ культурахъ».

Подведемъ итоги. Однородности внутривневй структуры, присущая всѣмъ культурнымъ организмамъ, является у Шпенглера необходимымъ условіемъ для ихъ сравненія. Исходя же изъ этой структурной однородности, онъ умозаключаетъ, что нѣтъ ни одного явленія глубокаго физиономическаго значенія въ исторической картинѣ данной единичной культуры, которое не имѣло бы своего гомолога въ другихъ культурахъ на соответственномъ мѣстѣ. А отсюда слѣдуетъ, во-первыхъ, что предъидущія и мало извѣстныя эпохи можно реконструировать на основѣ морфологическихъ связей (сходно съ реконструкціей въ области палеонтологіи) и во-вторыхъ, можно еще грядущія фазы данной культуры опредѣлить по ихъ типу, темпу развитія и результату.

Но, если при помощи принципа гомологіи становится возможнымъ разысканіе возрастной ступени еще развивающагося культурнаго организма, то это, въ свою очередь, позволяетъ «вычислить» и его дальнѣйшую длительность. Такъ напримѣръ, если согласиться со Шпенглеромъ, что западная культура, начиная съ 1800 года, вступила въ «цивилизационную стадію», то согласно

его теоріи, она находится нынѣ въ состояніи «упадка» и съ роковой неизбежностью близится къ своему концу.

Опираясь на эти культурно-морфологическія соображенія, Шпенглеръ пытается уяснить себѣ грядущую судьбу западной культуры, что въ свою очередь, является какъ бы пояснительнымъ примѣромъ для его общей исторической концепціи.

Согласно его общей методологической позиціи, надлежитъ культуру Запада сравнить съ какой-либо другой, всецѣло обозримой, т. е., съ культурой, пробѣжавшей всѣ стадіи развитія, съ культурой уже «умершей». Такой культурой является для Шпенглера античная (греко-римская). Но предварительно необходимо показать, что западная и античная культуры являются (вопреки обычному мнѣнію) вполне автономными по отношенію другъ къ другу. Лишь тогда и станетъ правомѣрнымъ морфологическое сравненіе обѣихъ культуръ, на основѣ котораго и можно будетъ провидѣть будущее нашей культуры.

Каждая единичная культура, согласно Шпенглеру, есть своеобразная духовная индивидуальность и, какъ таковая, она характеризуется опредѣленной пространственной символиккой, возникающей въ тотъ моментъ, когда ея душа пробуждается къ ясному самосознанію изъ нѣдръ своего материнскаго ландшафта. Каждая — вырабатываетъ свой особый свойственный лишь ей одной способъ представленія пространства, свой «идеальный типъ протяженности», который и

является ея «перво-символомъ» (Ursymbol).

Этотъ первосимволь лежитъ въ основѣ всѣхъ ея внѣшнихъ формъ и опредѣляетъ весь ея духовный укладъ или стиль. Слѣдовательно изъ этого первосимвола надлежитъ выводить всѣ ея конкретныя проявленія въ различныхъ областяхъ, ея подлинный духовный обликъ, рѣзко отличающій ее отъ облика другихъ культуръ.

Первосимволомъ души западной (фаустовской) культуры является, по Шпенглеру, «чистое бесконечное пространство». Первосимволомъ души античной (аполлоновской) культуры является измѣряемое тѣло. Соответственно этому, античное сознание, въ противоположность западному, считало подлиннымъ, истиннымъ бытіемъ лишь бытіе тѣлесное, пластически оформленное.

Глубокую разницу между типами пространственной символики, свойственными античной и западной культурѣ, Шпенглеръ прослѣживаетъ на всѣхъ ихъ внѣшнихъ формахъ, которыми, съ его точки зрѣнія, являются лишь отдѣльными (производными) символами. Съ этой цѣлью онъ сравниваетъ античную математику, физику, искусство, а также и другія области культуры съ современными, за гадно-европейскими.

Благодаря же этимъ параллелямъ и уясняется, по Шпенглеру, принципиальная разница между античностью и Западомъ, какъ двумя качественно - отличными культурно - психическими типами, въ основѣ которыхъ лежатъ два типа представленія

протяженности : « тѣлесной » и « чисто пространственной ». И, слѣдовательно, имѣется, согласно его методологическому учению, реальная основа для морфологического сравненія обѣихъ культуръ, въ цѣляхъ опредѣленія « возраста » культуры западной.

Въ самомъ дѣлѣ, греческой веснѣ — Дорикѣ соответствуетъ западная весна — Готика. Лѣту іоническаго стиля на Западѣ соответствуетъ эпоха Барокко. Искусство Пергама и Байрейта нельзя не признать гомологичными: оба означаютъ послѣдній расцвѣтъ умирающей культуры. Въ области искусства оба великихъ « каноника » античности и Запада: Поликлеть (творецъ канона пластики) и Бахъ (творецъ контра - пунктическаго канона) являются « современниками ». И наконецъ, морфологическое сравненіе обѣихъ культуръ уясняетъ, что въ Наполеонѣ слѣдуетъ признать « современнаго » Александра. Обѣ великія историческія фигуры несомнѣнно гомологичны : оба начинаютъ « эпоху цивилизаціи », т. е. эпоху культурнаго упадка.

« Цивилизаціонная фаза », наступающая для античной культуры приблизительно въ четвертомъ вѣкѣ, когда « греческая душа » всецѣло смѣняется господствомъ « римскаго разсудка », — эта « цивилизаціонная фаза » наступаетъ на Западѣ въ началѣ 19 - го вѣка съ ростомъ рационализаціи всей культурной жизни. Мироззрѣніемъ же, соответствующимъ росту « практическаго рационализма » въ цивилизаціонную фа-

зу является въ античности стоицизмъ, а на Западъ «этическій социализмъ». Оба мировоззрѣнія въ историко-философскомъ смыслѣ означаютъ одно и то же: здѣсь стремятся къ безостаточной рационализациі всей жизни. А такъ какъ стоицизмъ по мнѣнію Шпенглера, знаменуетъ собой въ античной культурѣ «явленіе упадка», то значить и социализмъ долженъ считаться таковымъ. Слѣдовательно, резюмируетъ Шпенглеръ, Западъ находится въ состояніи культурнаго умиранія . . . И необходимо имѣть мужество вывести всѣ логическія слѣдствія изъ этого историческаго діагноза современности, т. е. отказаться отъ совершенно несобственно-оптимистической вѣры въ возможность безграничнаго развитія западной культуры.

Намъ уяснилась теперь культурная морфологія Шпенглера, возникшая изъ духа Гетевской интуитивной натурфилософіи. Намъ остается теперь лишь показать, что основныя воззрѣнія очерченной здѣсь культурной морфологіи Шпенглера были дѣйствительно предвосхищены Данилевскимъ въ предложенной имъ теоріи культурно-историческихъ типовъ.

КУЛЬТУРНАЯ МОРФОЛОГІЯ ДАНИЛЕВСКАГО*).

Къ своему культурно-морфологическому ученію Данилевскій пришелъ, исходя изъ теоріи

*) Здѣсь необходимо напередъ отмѣтить, что у Данилевскаго, къ сожалѣнію, нѣтъ строго выдержанной терминологіи и

ретиическихъ соображеній, воплотѣнныхъ аналогичныхъ съ таковыми же у Шпенглера. Подобно послѣднему и онъ усматриваетъ въ господствующей нынѣ схемѣ съ ея группировкой всѣхъ историческихъ явленій по степенямъ развитія (т. е. обычное дѣленіе исторіи на древнюю, среднюю и новую) — лишь искусственную и потому научно устарѣлую схему. И соотвѣственно этому стремится замѣнить ее по аналогіи съ естественными науками новой («естественной») схемой, каковой для Шпенглера является его теорія культурныхъ организмовъ, а для Данилевскаго — его теорія культурно-историческихъ типовъ. Вотъ почему, оба автора именуютъ «старую» схему исторіи «Птоломеевскою», а предложенную ими новую — «Коперниканскою».

Въ самомъ дѣлѣ, обычное дѣленіе исторіи по степенямъ развитія противорѣчитъ, по мнѣнію Данилевскаго, правиламъ «естественной системы», какъ не объемлющее всего многообразія историческихъ явленій, и «необходимо ведеть, какъ въ зоологіи и въ ботаникѣ, къ искусственной системѣ построенія науки». вмѣсто этого прямо-

поэтому, вмѣсто термина «культура» или «культурно-историческій типъ», онъ зачастую употребляетъ терминъ «чаггная (самобытная) цивилизація» и точно также (какъ мы увидимъ ниже) третій періодъ въ эволюціи культурно-историческихъ типовъ онъ называетъ «періодомъ цивилизационнымъ или культурнымъ».

линейнаго дѣленія исторіи Данилевскій предлагаетъ новое, основанное на аналогіи съ науками естественными, уже установленными у себя естественную систему, именно: дѣленіе по « типамъ организациі ». Всякая наука, аргументируетъ онъ, стремится къ отысканію своей естественной системы. Развить же понятіе объ естественной системѣ, показать все значеніе и всю важность ея выпало впервые на долю естественныхъ наукъ: ботаники и зоологіи. Оказалось, что « растения и животныя представляютъ собою не хаосъ разнообразныхъ случайныхъ формъ, которыя можно было бы такъ или иначе группировать »... « а суть выраженіе глубокаго внутренняго плана, какъ бы воплощеніе творческой идеи во всемъ ея разнообразіи »... « Оказалось, что всѣ эти формы располагаются по степенямъ ихъ сродства на группы опредѣленнаго порядка, названныя... типами растительнаго или животнаго царства ». Понятіе же « типа организациі », какъ уже было выше указано, ввелъ первоначально въ зоологію Кювье (основываясь на изученіи низшихъ животныхъ). « Эти типы не суть ступени развитія въ лѣстницѣ постепеннаго усовершенствованія существъ (ступени, такъ сказать, іерархическія, подчиненныя одна другой), а совершенно различныя планы, въ которыхъ своеобразными путями достигается доступное для этихъ существъ разнообразіе совершенства формъ,—планы, не имѣющіе общаго знаменателя... это, собственно говоря, величины несоизмѣримыя ». Понятіе о

« типахъ организациі » было перенесено потомъ изъ области зоологіи въ область ботаники: « ни въ зоологіи, ни въ ботаникѣ вообще невозможна естественная система безъ различія группъ, опредѣляемыхъ степенью развитія, усовершенствованія организациі, отъ группъ, опредѣляемыхъ особенностью плана, типомъ развитія ». И естественная группировка историческихъ явленій также невозможна, по убѣжденію Данилевскаго, безъ аналогичнаго различенія степеней развитія отъ типовъ развитія. Въ отсутствіи этого различія и заключается « коренной недостатокъ » господствующей исторической системы. « Обычное дѣленіе исторіи на древнюю, среднюю и новую, хотя бы съ прибавленіемъ древнѣйшей и новѣйшей, или вообще дѣленіе по ступенямъ развитія, не исчерпываетъ всего богатства ея содержанія ». « Формы исторической жизни человѣчества, какъ формы растительнаго и животнаго міра », аргументируетъ Данилевскій, « не только измѣняются и совершенствуются повозрастно, но еще и разнообразятся по культурно-историческимъ типамъ ». Слѣдовательно, « только внутри одного и того же типа или цивилизациі и можно отличить гдѣ формы историческаго движенія, которыя обозначаются словами: древняя, средняя и новая исторія ». Такимъ образомъ, дѣленіе по ступенямъ развитія Данилевскій допускаетъ только внутри каждаго культурно-историческаго типа; это дѣленіе « есть только подчиненное, главное же дѣленіе должно состоять въ от-

личени культурно - исторических типовъ, такъ сказать самостоятельныхъ своеобразныхъ плановъ религіознаго, социального, бытового, промышленнаго, политическаго, научнаго, художественнаго, однимъ словомъ историческаго развитія ». Въ согласіи съ этимъ онъ и полагаетъ, что термины древняя, средняя и новая исторія утрачиваютъ всякое значеніе и смыслъ, если примѣнять ихъ не къ исторіи отдѣльныхъ цивилизацій, а къ исторіи всемірной. И слѣдовательно, соотвѣтственно новой точкѣ зрѣнія, можно лишь утверждать, что культурно - историческіе типы, какъ на примѣръ, Римъ и Греція, Индія и Египетъ « имѣли свою древнюю, свою среднюю и свою новую исторію, т. е., какъ все органическое, имѣли свои фазисы развитія, хотя и тѣтъ, конечно, никакой надобности, чтобы ихъ насчитывалось непременно три ».

Небезинтересно отмѣтить здѣсь, что эта новая періодизація исторіи, предложенная Данилевскимъ (пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, (« Россія и Европа ») до извѣстной степени предвосхитила точку зрѣнія современнаго историческаго изслѣдованія, еще до Шпенглера, впервые развитую крупнейшими нѣмецкими историками : Эдуардомъ Мейеромъ и Лампрехтомъ, а также Вильямовичемъ - Меллендорфомъ и Дильтеемъ и многими другими современными изслѣдователями *). Шпенглеръ является лишь послѣднимъ этапомъ въ

окончательномъ развитіи этой теоріи культурнаго плюрализма. Причемъ въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, онъ не только пытался установить самостоятельность историческаго развитія различныхъ культурныхъ типовъ, но и вскрыть определенный параллелизмъ въ самомъ ходѣ ихъ развитія, или говоря иначе, онъ представилъ не только ученіе о фазахъ, присущихъ развитію каждаго конкретнаго культурнаго типа, но и показалъ ихъ гомологичность. Такимъ образомъ, единство всемірно - историческаго процесса замѣнилось у Шпенглера единствомъ « всемірно - историческихъ перспективъ »: если раньше единство исторіи заключалось въ непрерывности культурнаго развитія единаго человечества, то это прежнее матеріальное единство замѣняется у Шпенглера единствомъ формальнымъ, поскольку ходъ развитія всѣхъ культурныхъ типовъ разсматривается имъ какъ однородный или, въ терминахъ Шпенглера, гомологичный.

Мы видимъ, что періодизація исторіи, предложенная Данилевскимъ, чрезвычайно сходна съ таковой же у Шпенглера. Ниже мы попытаемся показать, что у Данилевскаго, наряду съ признаніемъ самостоятельности историческаго развитія каждаго культурнаго типа имѣется (правда, въ «зачаточномъ» состояніи) и принципъ гомологичи фазъ, на основѣ котораго онъ, подобно Шпенглеру, считаетъ возможнымъ дѣлать « научныя предсказанія » касательно судьбы еще развивающихся культуръ.

*) Ср. у Spranger'a: «Der gegenwärtige Stand der Geisteswissenschaften und die Schule». S. 27. Berlin 1922.

Подобно Шпенглеру и Данилевский полагаетъ, что стоитъ только отказаться отъ старой, искусственной схемы истории съ ея нерациональнымъ дѣленіемъ по степенямъ развитія, какъ немедленно духовному взору историка откроются обособленные «естественныя группы» — «культурно - историческіе типы» («самобытныя цивилизаціи»), которыя можно расположить въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ: 1) египетскій, 2) китайскій, 3) ассирийско - вавилонно - финикийскій, халдейскій или древне - семитическій, 4) индійскій, 5) иранскій, 6) еврейскій, 7) греческій, 8) римскій, 9) ново - семитическій или арабійскій и 10) германо - романскій или европейскій.

Мы возьмемъ, что и, по Шпенглеру, мировая история не представляетъ собою единого дѣйствительнаго процесса, а лишь группу изъ восьми великихъ культуръ, возникающихъ въ нѣдрахъ своего материнскаго ландшафта, съ которымъ они тѣсно связаны, и представляющихъ лишь своеобразные «организмы высшаго типа».

Къ перечисленнымъ типамъ Данилевскій причисляетъ еще два американскіе: мексиканскій и перуанскій, погибшіе насильственной смертью и не успѣвшие совершить своего развитія. И наконецъ, — славянскій типъ культуры, который находится еще въ процессѣ своего развитія.

Прямого и исчерпывающаго опредѣленія, что считать культурно - историческимъ типомъ, Данилевскій, сходно съ Шпенглеромъ, къ сожалѣнію, не да-

етъ, оговариваясь, что типы эти будто бы «общеизвѣстны». Правда, Данилевскій въ своемъ перечисленіи «законовъ развитія культурно - историческихъ типовъ» (какъ это ни странно, подъ видомъ «перваго закона») даетъ и нѣкоторое опредѣленіе понятія культурно - историческаго типа. Именно лингвистическое или, точнѣе, лингвистико - этнографическое единство является, по его мнѣнію, основнымъ критеріемъ для признанія наличности самостоятельнаго культурно - историческаго типа.

Изъ вышеотмѣченнаго перечисленія мы видимъ, что большая часть культурно - историческихъ типовъ, указанныхъ Данилевскимъ, имѣется и у Шпенглера. Отмѣтимъ лишь здѣсь наибольшее существенныя различія и сходства.

Въ отличіе отъ Шпенглера, который объединяетъ грековъ и римлянъ въ одинъ историческій типъ «античной культуры», Данилевскій отграничиваетъ греческій культурный типъ, какъ вполне самостоятельный, отъ римскаго. Но, сходно съ Шпенглеромъ, Данилевскій (какъ это логически и вытекаетъ изъ его общей теоріи исторіи) выделяетъ, какъ особый, — западно - европейскій культурно - историческій типъ (германо - романскій) и толкуетъ, опять — таки въ согласіи съ нимъ, Россію и славянство также, какъ особый культурный типъ, лишь находящійся еще въ процессѣ развитія.

Въ самомъ дѣлѣ, возрѣніе Данилевскаго, что Западная Европа представляетъ собою особую культурно - историческую

единицу, въ составъ которой входятъ лишь народы германороманскіе (связанные воедино обще - исторической жизнью и вмѣстѣ создавшие всю западную духовную и матеріальную культуру), — это воззрѣніе находится въ полномъ согласіи съ основными воззрѣніями Шпенглера, для котораго Западная Европа также представляетъ нѣкоторую замкнутую въ себѣ культурно - духовную единицу и который такъ же, какъ и Данилевскій, игнорируетъ наличную множественность европейскихъ культурно - національных типовъ. Для обоихъ авторовъ всѣ европейскія націи суть лишь « единицы политическія, части высшей культурно - исторической единицы — Европы ».

Еще болѣе любопытно сопоставленіе воззрѣній Шпенглера и Данилевскаго на русско - славянскій типъ культуры, который, по мнѣнію обоихъ авторовъ, находится еще въ процессѣ развитія. Исходя изъ аналогичныхъ историческихъ концепцій, оба автора, будучи послѣдовательными, не могли не противопоставить Россіи, какъ особаго культурно - историческаго типа, всей Западной Европѣ. « Россія », заявляетъ Данилевскій, « не есть нація европейская » и слѣдовательно ни « прививка » европейской культуры, ни « добровольное усыновленіе » ея Европой добра ей принести не могутъ. Сходно съ нимъ и Шпенглеръ полагаетъ, что между русскимъ и западно - европейскимъ культурнымъ типомъ имѣется принципиальное различіе, которое не затушевывается тѣмъ, что русская городская культу-

ра и русская интеллигенція окрашены въ европейскіе цвѣта. Вотъ почему онъ и полагаетъ, что насильственная прививка чуждыхъ русско - славянскому типу формъ западной культуры, въ свою очередь, развратила и отравила его душу, нарушила его моральное равновѣсіе и отклонила его историческое развитіе отъ его истиннаго пути*).

Подведемъ итоги. Исходя изъ предложенной имъ « естественной системы » исторіи, Данилевскій, какъ мы уже видѣли, ставитъ подобно Шпенглеру, множественность вполнѣ автономныхъ культурно - историческихъ типовъ (« естественныхъ группъ ») на мѣсто единаго человечества и самостоятельное параллельное развитіе этихъ послѣднихъ на мѣсто всемірной исторіи.

Вникая же въ « свойства и характеры » различныхъ культурно - историческихъ типовъ, Данилевскій устанавливаетъ пять законовъ ихъ развитія. Мы сосредоточимъ наше вниманіе лишь на двухъ важнѣйшихъ законахъ:

Первый изъ нихъ онъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: « начала цивилизаціи одного культурно - историческаго типа не передаются народамъ другого типа. Каждый типъ вырабатываетъ ее для себя при большемъ или меньшемъ влияніи чуждыхъ ему предшествовавшихъ или современныхъ цивилизацій ».

*) На языкѣ Шпенглера это искаженіе духа даннаго культурнаго типа посредствомъ воздействия на него чужой культуры называется псевдоморфозой.

Мы знаемъ изъ предыдущаго, что и у Шпенглера отдѣльные историческія культуры духовно непроницаемы другъ для друга, что каждая культура создаетъ свой особый духовный стиль во всѣхъ областяхъ культурнаго творчества. Но у Данилевскаго этотъ принципъ духовной изолированности культурныхъ типовъ значительно **ослабленъ**, какъ уступка исторической дѣйствительности, что уже явствуется у него изъ самой формулировки этого закона. «**Вся исторія доказываетъ, что цивилизація не передается отъ одного культурно - историческаго типа другому; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы они оставались безъ всякаго воздѣйствія другъ на друга**». Но это воздѣйствіе не есть еще истинная передача культурныхъ началъ. Отрицая возможность какъ «пересадки» культуры (путемъ колонизаціи), такъ и «прививки» ея (обычно отождествляемой съ передачей культуры), Данилевскій допускаетъ лишь такое вліяніе одного культурнаго типа на другой, которое можно уподобить «вліянію почвеннаго удобрения на растительный организмъ или улучшеннаго питанія на организмъ животный». Здѣсь культурный организмъ «сохраняетъ свою специфическую, образовательную способность, пользуясь лишь результатами чужой дѣятельности въ своей особой переработкѣ». Но это усвоеніе творческое, ибо происходитъ при полномъ сохраненіи всего специфическаго, своеобразнаго бѣта даннаго культурнаго типа (религіознаго, социальнаго, политическаго и т. д.), что, въ

свою очередь, и обуславливаетъ «плодотворность вліянія завершеннаго или болѣе развитою культурнаго типа на вновь возникающей». Отсюда ясно, что сфера культурнаго заимствованія ограничена лишь «областью результатовъ положительной науки, техническихъ приѣмовъ и усовершенствованія искусствъ и промышленности», какъ лежащихъ внѣ сферы подлинной культурной самобытности.

Вся же остальная область культурной жизни даннаго типа, въ особенности, его политическое и общественное устройство, религіозныя воззрѣнія и нравы не могутъ быть заимствованы, а лишь приняты къ свѣдѣнію для сравненія, ибо каждый отдѣльный культурно - историческій типъ во всѣхъ этихъ областяхъ «обрѣтаетъ лишь частныя рѣшенія» поставленныхъ ему жизнью задачъ, обобщеніе которыхъ при качественномъ различіи культурныхъ типовъ, по Данилевскому, невозможно.

Такимъ образомъ, историческіе результаты, достигнутые опредѣленнымъ культурно - историческимъ типомъ, въ процессѣ его развитія не остаются всегда совершенно безплодными для всѣхъ современныхъ ему или послѣдующихъ типовъ. Въ согласіи съ этимъ Данилевскій и различаетъ «уединенные» и «прественные» культурные типы, т. е. такіе, гдѣ «плоды дѣятельности передавались отъ одного къ другому, какъ матеріалъ для питанія или какъ удобреніе той почвы, на которой долженъ былъ развиваться послѣдующій типъ». Къ такимъ преемственнымъ типамъ причисляетъ онъ египетскій, ас-

сирійско - вавилоно - финикійскій, греческій, римскій, еврейскій и германо - романскій (западно - европейскій). А такъ какъ ни одинъ изъ культурно - историческихъ типовъ, по его теоріи, не способенъ къ безграничному развитію, ибо каждый (какъ будетъ выяснено ниже) постепенно изживается, то отсюда ясно, что «результаты, достигнутые послѣдовательными трудами этихъ пяти или шести культурныхъ типовъ, своевременно смѣнявшихъ другъ друга, ... должны были далеко превзойти совершенно уединенные типы, какъ китайскій и индійскій»... Въ этомъ и заключается, по его мнѣнію, «естественное объясненіе западнаго прогресса и восточнаго застоя».

Ограничивая же принципъ непредаваемости культурныхъ началъ въ только что указанномъ смыслѣ, Данилевскій значительно удаляется въ этомъ пунктѣ отъ Шпенглера, абсолютно отрицающаго всякую историческую преемственность даже и въ области положительнаго знанія. Каждая единичная культура, по Шпенглеру, создаетъ даже свою особую математику, физику и химию, въ основѣ которыхъ всегда лежитъ опредѣленная лишь ей присущая пространственная символика.

Второй основной законъ историческаго развитія Данилевскій формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «ходъ развитія культурно-историческихъ типовъ всего ближе уподобляется тѣмъ многолѣтнимъ одноплоднымъ растеніямъ, у которыхъ періодъ роста бываетъ неопредѣленно продолжителенъ, но періодъ цвѣтенія и плодоношенія — относительно коротокъ и

истощаетъ разъ навсегда ихъ жизненную силу».

Изъ этой формулировки ясно видно, что, подобно Шпенглеру, и Данилевскій уподобляетъ развитіе культурно - историческаго типа такому же растительнаго и животнаго организма и потому примѣняетъ къ нимъ основныя категории органическаго міра: культурно - историческіе типы, и по его мнѣнію рождаются, созрѣваютъ и умираютъ.

И далѣе, онъ также различаетъ три основныхъ періода развитія, которые пробѣгаетъ каждый культурно - историческій типъ, именно: «періодъ этнографическій» (древняя исторія), «государственный» (средняя исторія), и «цивилизационный или культурный» (новая исторія), которые, какъ мы сейчасъ увидимъ, явственно сходны съ періодами культурной эволюціи у Шпенглера.

Въ длинный «этнографическій, подготовительный періодъ, измѣряемый тысячелѣтіями, собирается запасъ силъ для будущей сознательной дѣятельности и закладываются тѣ особенности въ складѣ ума, чувства и воли», которые и составляютъ всю оригинальность «культурно - историческаго племени».

Въ періодъ же «государственный», смѣняющій этнографическій, народы, составляющіе данный культурно - историческій типъ, «строятъ государство и ограждаютъ свою политическую независимость», безъ которой, по Данилевскому, «цивилизация не можетъ ни развиваться, ни укрѣпиться».

И наконецъ, вслѣдъ за періодомъ государственнымъ наступаетъ «періодъ цивилизационный»,

когда народы данного культурнаго типа, « уже вышедшіе изъ безсознательной, чисто этнографической формы быта » и создавшіе свою самобытную государственность, проявляютъ свои особенности, преимущественно въ различныхъ областяхъ культурно-духовнаго творчества (научнаго, художественнаго, этико - правового, социальна - экономическаго и политическаго) соответственно своимъ культурнымъ задаткамъ, образовавшимся въ теченіе этнографическаго періода.

Но, если этнографическій періодъ можно охарактеризовать какъ « образовательный », когда « безсознательнымъ образомъ заготавливается запасъ для будущей дѣятельности », то « періодъ цивилизаціонный » (« прояснительный » или « дѣятельный ») « есть время растраты . . . , полезной и благотворной, составляющей цѣль самаго собиранія »... « И какъ бы ни былъ богатъ запасъ силъ, онъ не можетъ наконецъ не оскудѣть, не истощиться, тѣмъ болѣе, что во время возбужденной дѣятельности, порождающей цивилизацію и порождаемой ею, живетъ скоро ».

Такимъ образомъ, культурная фазеологія, аналогичная Шпенглеровской, имѣется и у Данилевскаго; причемъ и для него, вполнѣ солидарнаго здѣсь съ авторомъ « Гибели Запада », « высшая точка развитія творческихъ силъ », совпадаетъ « съ высшимъ цвѣтомъ искусствъ и съ временемъ философски - энциклопедическаго знанія », которое налагаетъ свою печать на все грядущее научное развитіе. « Періодъ же положительной, прикладной науки » характеризуетъ и

для него то время, « когда творческія.. силы уже довольно далеко оставили за собой эпоху своего лѣтняго солнцестоянія ».

Въ « цивилизаціонномъ періодѣ » всѣхъ культурно-историческихъ типовъ, уже завершившихъ циклъ своего развитія, всегда можно отмѣтить, по мнѣнію Данилевскаго, эти двѣ характерныя эпохи: « эпоху апогея творческихъ силъ » (« эпоха культурнаго цвѣтенія ») и « эпоху наибольшаго накопленія ихъ результатовъ » (« эпоха плодоношенія »), которыя обычно не совпадаютъ.

На основѣ же культурной фазеологіи, предложенной Данилевскимъ, можно опредѣлить и фазу развитія данного культурнаго типа, какъ находящагося въ процессѣ развитія, такъ и уже завершившаго свой циклъ: « разсматривая исторію отдѣльнаго культурнаго типа », замѣчаетъ онъ, « если циклъ его развитія вполнѣ принадлежитъ прошедшему, мы точно и безошибочно можемъ опредѣлить возрастъ этого развитія », — « можемъ сказать, здѣсь оканчивается его старость » или, иначе говоря, раздѣлить его исторію на древнюю, среднюю, новѣйшую и т. п. « Съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ мы можемъ это сдѣлать при помощи аналогіи даже и для такихъ культурныхъ типовъ, которые еще не окончили своего поприща ». Значитъ, подобно Шпенглеру, и Данилевскій фактически признаетъ морфологическое родство между фазами отдѣльныхъ культурно - историческихъ типовъ (въ терминахъ Шпенглера: « гомологію фазъ »). Толкуя сходно съ нимъ культурные типы, какъ своеобразные организмы и примѣняя къ нимъ ос-

новныя категории органическаго міра (рожденіе, созрѣваніе и умирание) и Данилевскій, какъ мы видѣли, пытается отыскать въ процессѣ развитія отдѣльныхъ культурно - историческихъ типовъ тѣ ступени или фазы, которыя обязательно должны быть пройдены каждымъ изъ нихъ въ порядкѣ, не допускающемъ никакого исключенія. Короче, оба автора пытаются весьма сходными путями установить однородность закона развитія для всѣхъ культурныхъ типовъ, какъ таковыхъ, или говоря иначе, установить однородность ихъ структуры.

А отсюда и вытекаетъ морфологическое родство между фазами отдѣльныхъ культуръ (гомологія фазъ), на основѣ которой и возможно лишь опредѣленіе какъ фазы культуры развивающейся (и слѣдовательно « научное предсказаніе » ея грядущей судьбы), такъ и опредѣленіе фазы культуры уже умершей.

Опираясь на эти общія соображенія методологическаго характера, Данилевскій (опять таки сходно съ Шпенглеромъ) ставитъ и вопросъ о грядущей судьбѣ культуры Западной Европы, представляющей и для него вполне самостоятельный, самобытный культурно - историческій типъ. И слѣдовательно, самое рѣшеніе этого вопроса есть и для него лишь рѣшеніе частнаго случая, поясняющаго общую теорію, т. е. уже извѣстную намъ его культурную фазологию. Подобно другимъ культурно - историческимъ типамъ, и западно - европейскому надлежитъ пробѣжать весь обычный циклъ культурнаго развитія. Поэтому вопросъ о его грядущей судьбѣ сводится факти-

чески къ выясненію другого, болѣе конкретнаго вопроса, именно: въ какую фазу развитія уже вступилъ этотъ типъ? Тогда и опредѣлится его дальнѣйшая судьба.

Не отрицая, что западно - европейская культура для взора поверхностнаго наблюдателя « находится въ апогеѣ своего развитія » Данилевскій тѣмъ не менѣе полагаетъ, что путемъ сравненія ея съ уже « умершими » культурными типами: греческимъ и римскимъ, какъ наиболѣе намъ извѣстными — можно, опираясь на аналогію (слѣдовало бы сказать точнѣе: на гомологію фазъ), показать, что она близится къ своему закату. И какъ разъ « самое обиліе результатовъ европейской цивилизаціи въ 19 столѣтіи есть признакъ того, что творческая сила, которая ихъ производитъ, уже начала упадать »...

Въ самомъ дѣлѣ, сравнивая циклъ развитія греческаго и римскаго культурно - историческихъ типовъ съ развитіемъ европейской культуры и подыскивая эпохи, аналогичныя эпохамъ « апогея творческихъ силъ » и эпохамъ « наибольшаго накопленія ихъ результатовъ », имѣвшимъ мѣсто въ греческомъ и римскомъ мірѣ, Данилевскій приходитъ къ заключенію, что « первымъ соотвѣствуетъ 16 — 17 вѣкъ, когда возводился храмъ Петра, писали Рафаэль, Микель - Анджело и Корреджіо, Шекспиръ сочинялъ свои драмы, Кепплеръ, Галилей, Беконъ и Декартъ закладывали основы мышленія и новыхъ методовъ научнаго изслѣдованія»; а вторымъ—столь обильный результатами теоретическими и практическими—19 в.». Именно, « въ пер-

вую эпоху заложено все самобытное въ европейскомъ искусствѣ и европейской наукѣ... и все послѣдующее время... продолжало лишь развиваться по тому пути.

Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія Данилевскаго, « творческія созидательныя силы европейской цивилизаціи уже около 150 или 200 лѣтъ тому назадъ вступили на нисходящую сторону своего пути ». « Наступило уже время плодоношенія ». « Позднее ли это лѣто... или уже поздняя осень — сказать трудно. Но во всякомъ случаѣ, солнце, которое вращало эти плоды, перешло уже за меридіанъ и склоняется уже къ Западу».

Значитъ, и Данилевскій, сходно съ Шпенглеромъ, устанавливаетъ на основѣ своей общей теоріи исторіи, точнѣе, на основѣ морфологическаго сравненія, что западно - европейскій культурно - историческій типъ уже давно близится къ своему « закату ».

Подведемъ итоги. На основѣ сравненія ученій Шпенглера и Данилевскаго намъ уяснилось, что мы имѣемъ дѣло съ двумя весьма сходными вариантами или типами культурной (исторической) морфологіи. Причемъ, культурная морфологія Шпенглера, какъ возникшая значительно позже, — болѣе сложная, болѣе многогранная. Этимъ и объясняется, что, наряду съ отмѣченными сходными моментами, — имѣются и существенно различныя. Мы отмѣтимъ здѣсь лишь важнѣйшія различія.

Общее методологическое ученіе Шпенглера, сливаясь у него съ гносеологіей, сложилось подъ двойнымъ вліяніемъ Гете и Бергсона. Своеобразно видоизмѣняя ихъ воззрѣнія, Шпенглеръ

и приходитъ къ уже извѣстному намъ различенію « исторіи » и « природы », какъ « живой » и « мертвой » природы, и соотвѣственно этому къ различенію историческаго познанія, примѣняющаго методу интуитивную, отъ познанія естественно-научнаго, примѣняющаго методу каузальную. Причемъ, какъ уже было упомянуто, методъ историческаго изслѣдованія, фактически примѣняемый Шпенглеромъ, можетъ быть охарактеризованъ не только, какъ методъ интуитивный (или физиономическій), но и дополнительно, какъ методъ морфологическій.

У Данилевскаго этого методологическаго дуализма не имѣется. Въ своихъ же историческихъ изслѣдованіяхъ онъ примѣняетъ лишь методъ морфологическій (въ его разработкѣ у Кювье). У него нѣтъ « морфологизирующей физиономики », какъ у Шпенглера.

И далѣе, культурная методологія Шпенглера, какъ мы сейчасъ покажемъ, совершенно неожиданно переходитъ у него въ культурную метафизику, ибо « культурныя души », которыя первоначально должны были играть лишь роль методологическаго принципа для объединенія всѣхъ культурныхъ явленій, фактически превращаются у него изъ методологическихъ факцій въ метафизическія сущности. Въ самомъ дѣлѣ, метафизической гипотезой является его гипотеза культурныхъ душъ, равно какъ и метафизической гипотезой является его « Перводушевность » (« міровая душа »), изъ которой всѣ эти единичныя культурныя души исходятъ и въ духовное лоно которой обратно

возвращаются. Обѣ эти метафизическія гипотезы идутъ, конечно, въ разрѣзъ съ его первоначальнымъ методологическимъ учениемъ.

Такимъ образомъ, у Шпенглера имѣется какъ бы въ зачаточномъ состояніи своеобразная спиритуалистическая метафизика, правда, не вполне продуманная и трудно согласуемая съ его культурно-историческимъ релятивизмомъ.

Но и здѣсь сказывается у Шпенглера извѣстная двойственность, ибо одновременно онъ выставляетъ и явно материалистическое ученіе о возникновеніи всякой культурной души изъ нѣдръ ея материнскаго ландшафта, съ которымъ она остается «растительно» связанной всю свою жизнь. И наконецъ, натуралистическій характеръ общей философской позиціи Шпенглера ясно сказывается и въ уподобленіи культурнаго организма организму растительному, откуда и происходитъ у него строгая детерминированность культурно - духовной жизни.

У Данилевскаго же нѣтъ ясно выраженной культурной метафизики, какъ у Шпенглера, ибо нѣтъ достаточныхъ оснований думать, чтобы своимъ культурно - историческимъ типамъ онъ придавалъ какое - либо метафизическое значеніе, хотя онъ и говоритъ о присущемъ имъ особомъ «психическомъ строѣ», но этому термину не усваивается здѣсь метафизическаго значенія термина: «культурная душа» у Шпенглера. Для Данилевскаго его культурно - историческіе типы являются лишь послѣдней исторической реальностью; во всякомъ случаѣ, онъ считаетъ ихъ болѣе реальными, чѣмъ челоѣчество,

представляющее для него лишь пустую абстракцію.

Намъ остается лишь отмѣтить и существенное расхожденіе нашихъ авторовъ еще въ двухъ пунктахъ: въ области опредѣленія самой задачи историческаго (морфологическаго) изслѣдованія и въ культурной характерологіи; причемъ, какъ мы увидимъ, первое расхожденіе обусловлено вторымъ.

Въ самомъ дѣлѣ, основная задача морфологическаго изслѣдованія у Шпенглера въ его примѣненіи къ исторіи, какъ мы уже знаемъ, двоякая: съ одной стороны, онъ пытается вскрыть морфологическое родство между всѣми конкретными проявленіями данной культурной души, въ различныхъ областяхъ, въ цѣльхъ опредѣленія ея духовнаго облика («физиономіи»), а съ другой, — онъ разыскиваетъ морфологическое родство между фазами различныхъ культуръ (гомологію фазъ).

Мы видѣли, что у Данилевскаго имѣется лишь гомологія фазъ (правда, въ зачаточной формѣ). Но морфологическаго родства между всѣми явленіями данной единичной культуры (культурно - историческаго типа) Данилевскій не устанавливаетъ и соответствуетно этому въ задачу его морфологическаго изслѣдованія не входитъ характеристика индивидуальныхъ культурныхъ душъ въ ихъ живомъ единствѣ. Въ этомъ существенномъ пунктѣ онъ расходится съ Шпенглеромъ, что, въ свою очередь, обусловлено у обоихъ авторовъ различнымъ опредѣленіемъ самаго понятія единичной культуры.

Дѣйствительно, каждая отдѣльная культура характеризуется у

Шпенглера определенной пространственной символикой (точнѣе, присущимъ ей « идеальнымъ типомъ протяженности », который, какъ ея « первосимволъ », лежитъ въ основѣ всѣхъ ея внѣшнихъ формъ, опредѣляя весь ея духовный стиль). Этой пространственной символики, обуславливающей единство духовнаго стиля данной исторической культуры, у Данилевскаго, какъ мы знаемъ, не имѣется.

И далѣе, законъ развитія культурнаго организма Шпенглеръ уподобляетъ Гетевскому закону метаморфозы растений (этого прообраза всякаго органическаго и, слѣдовательно, по Шпенглеру, историческаго развитія). Въ согласіи съ этимъ, онъ и толкуетъ всѣ продукты культурнаго творчества данной исторической души, какъ морфологически родственные другъ другу, какъ ея символическія обнаруженія.

У Данилевскаго же его культурно - историческіе типы не облаютъ такой строгой психиче-

ской центрированностью, т. е. не разсматриваются имъ какъ духовная индивидуальность, въ строгомъ смыслѣ этого термина. Вотъ почему онъ и не усматриваетъ наличности морфологическаго родства между всѣми конкретными проявленіями данной исторической культуры въ различныхъ областяхъ.

Такимъ образомъ ясно, что Данилевскій строить культурную характерологию иначе, чѣмъ Шпенглеръ.

Но, несмотря на всѣ эти существенныя различія, нельзя не признать большой заслуги Данилевскаго, задолго до Шпенглера ясно сформулировавшаго всѣ его главныя воззрѣнія. Культурный плюрализмъ, культурная фазеология и принципъ гомологій, какъ основной методъ историческаго изслѣдованія, — всѣ эти основныя элементы исторической морфологии Шпенглера имѣются и у Данилевскаго.

М. Шварцъ.

Мысли о социализмѣ

1. ИЗЪ ИСТОРИИ.

Сложную и живую проблему социализма (съ каждымъ годомъ все болѣе сложную и живую) охотно въ наши дни упрощаютъ и рѣшаютъ съ плеча — одни въ старомодно - спокойномъ стилѣ («социализмъ естественная надстройка надъ хозяйственной базой»), другіе въ новомодно-воинственномъ («россійскій

опытъ покончилъ съ социализмомъ разъ навсегда»). Еще чаще отождествляютъ социализмъ съ известнымъ хозяйственнымъ строемъ, — коммунизмомъ или коллективизмомъ, — (какъ демократію отождествляютъ съ парламентаризмомъ или республикой), и критикуя недостатки этого строя, критикуютъ какъ будто социализмъ. По мѣрѣ фактическаго развитія социалистическаго дви-